

КАК ЭТО БЫЛО...

ЖИЛИ мы в Краснодарском крае, в бывшей станице Уманской. Наша семья состояла из четырех человек: мать Екатерина Ефимовна — глава семьи, ее мать 75 лет, и нас два сына — Михаил 1912 года рождения и я — 1918 года.

После революции имели надел земли в 10 гектаров, которую сами обрабатывали и за счет этого участка жили. В хозяйстве было 4 коровы, 3 лошади, пара рабочих быков, держали кур, поросят. Когда началась коллективизация, мать не пожелала вступить в колхоз. За эту строптивость ей, как единичнице, выделили землю на самой окраине, мало пригодную для обработки. Но она все же обрабатывала ее и получала хотя и скромный урожай, но для пропитания семьи и для налога почти хватало.

Но недолго пришлось быть единоличниками. Однажды пришли в наш двор и забрали весь скот. А весной 1932 года мать увезли в районную тюрьму станицы Павловской. Остались мы одни с 75-летней бабушкой, а к осени забрали моего старшего брата Михаила. Мать выпустили, сказали, чтоб собиралась на высылку. В декабре 1932 года на сборы дали считанные часы и этапом увезли «подкулачников» на станцию.

На станции стояли товарные вагоны. К счастью, с нами оказался и старший брат Михаил. Грузили в один вагон по несколько семей. По углам сложили наспех прихваченные продукты и вещи. Закрыли вагоны и повезли нас в неизвестном направлении. Ехали мы 13 суток.

В Осакаровку прибыли 19 декабря. Через некоторое время подошли подводы, в которые нас погрузили и повезли, как сказали, на по-

селок № 9 (ныне село Пионерское). Помню был сильный буран, пришлось накрыться одеялами. Выгрузили нас в большое помещение — школу. Наши продукты остались в вагонах. Так ничего нам и не отдали. Потом нас развезли по квартирам. К нашему счастью, к тому времени было построено несколько саманных домиков.

Возле печки лежали дрова, уголь, которым мы не умели пользоваться. Дрова сгорели, а уголь остался. В хате холодно, легли на топчаны, укрылись одеялами. Утром встали — на одеялах снег лежит. Встали, убрали снег и опять под одеяло. Так началась наша жизнь на новом месте.

А на дворе свирепствовали бураны. Люди ходили за водой, теряли направление, замерзали в снегу. Потом начали протягивать веревки от дома к дому. Все было завалено снегом, кое-где виднелась лишь труба.

Взяли нас на продобеспечение. Взрослым давали и 500 граммов, а детям 200 граммов черного хлеба. Ну и другие продукты в мизерном количестве. А наши продукты свезли в помещение, замкнули и поставили охрану.

К весне 1933 года люди истощали, открылась дизентерия, тиф, люди начали умирать как мухи. Умерла наша мать. Завернули мы ее в тряпье, и брат увез на кладбище, где была вырыта большая яма и туда на кирпичках свозили мертвых.

Я вспоминаю, как ходил в баню. Посмотришь на людей — одни кости, обтянутые кожей. Летом по берегу реки Ишим рвал какую-то траву, а мать варила суп, и мы ели.

В то время комендантом был Анкушев, а затем Ники-

та Харлампович Корниенко, а помощником у него — Поддубный. Был начальник охраны, который командовал взводом солдат. За провинность сажали на 5—10 суток в карцер, где в день давали лишь 200 граммов хлеба и стакан воды. Власть коменданта была неограниченной. Они имели свой закрытый магазин. Письма проверялись, посылки, которые приходили, тоже вскрывались, а иногда реквизировались. Все делалось для медленного истощения и вымирания людей, и они умирали не реже, чем потом в Карлаге.

В 1934 году организовалась Ударная МТС, и брат пошел учиться на тракториста, я работал в промартели, делал пряжки для сандалий, а потом плел кошелки из куги.

Мы жили в одной хате со станичником Плясовцем Гордеем, а когда мать умерла, они забрали нас к себе, и мы были с ними до 1935 года. Очень большое им спасибо. В 1937 году Гордея забрали работники НКВД, и до сих пор неизвестна его судьба.

В 1933 году начали поступать лошади, а потом и крупный рогатый скот, бруцеллезный и туберкулезный. Организовалась артель неустанная, начали поднимать целину ну лошадях, быках и даже пахали и сеяли на коровах. Лошадей проверяли на сап и реагирующих на эту болезнь убивали на скотомогильнике, а люди по ночам растаскивали и питались трупами животных.

Вот так по воле «родного отца» крестьяне России оказались в Казахстане. Около 80 процентов их погибло. Это нас в 1932 году привезли в дома, а те, кто приехал

до нас в 1930—1931 годах на пустое место, где был забит колышек с дощечкой с номером поселка, они испытали более страшные муки. Своими руками строили железную дорогу от Осакаровки до Караганды, где, говорят, под каждой шпалой лежат, десятки трупов.

Крестьяне России разорились, уезжали с плодородных земель и заселили земли зоны рискованного земледелия с урожаем в 10 раз меньшим.

Но люди не пали духом, и в этих условиях верили, что правда истории восторжествует. В 1942 году все мужчины, годные к военной службе, ушли на фронт. Их направляли в самые горячие точки, и они подтвердили свою преданность Родине, партии, Советской власти.

Я считаю, что вообще было ошибкой поднимать в Центральном Казахстане целину. Бросили плодородные земли, на которых Россия кормилась и хлеб за границу продавала, и теперь хлеб сами за границей покупаем. А в этих степях казахский народ выращивал скот и давал много дешевого мяса. Теперь же эти степи распахали, и ни хлеба, ни мяса не стало.

Люди, которые испытали на себе сталинский произвол, унижение, заслуживают того, чтобы память их была увековечена. Если невозможно установить имена, то хотя бы знаки поставить в селах с указанием общего количества погибших в период репрессий. В архивах эти данные должны сохраниться. Безвинные люди должны быть реабилитированы.

И. С. БОГУШ,
ветеран войны и труда,
член КПСС с 1958 года.